

Слуги не смели поднять взглядов от ужаса, что охватил их тела и души. Полог экипажа, который прошила стрела, расплзся уродливой трещинной и только теперь случайные очевидцы могли видеть цвет кожи девушки, находившейся внутри. Бледный, мертвенный цвет.

— Оттесните зевак, не давайте никому приблизиться, — властно приказал господин Ли и то ли от робости, то ли все еще пребывая в шоке, стражники его послушались. Люди отходили неохотно, переговариваясь меж собой и все стремясь заглянуть туда, куда им было не положено. Окинув холодным взглядом самых ретивых, господин Ли сказал: — С прибытием императорской гвардии каждый присутствующий будет подвергнут допросу.

Лишь это смогло усмирить пыл любопытствующих горожан, и многие из них предпочли тихонько уйти: пусть, конечно же, Император был милостив и никогда не стал бы обвинять невинного, а подчиненные его были мастерами своего дела, лучше которых нет во всех Центральных равнинах... но держаться от всех этих уважаемых чиновников простым людям все же следовало подальше.

Между тем Пятый принц спешил и приблизился к паланкину, откинув газовый полог. Господин Ли последовал за ним. Лица окруживших экипаж служанок были красны от слез, но они не решались что-либо говорить. Их робость можно было понять: подвергнуть опасности жизнь члена императорского клана грозило в лучшем случае высылкой из императорского дворца и вечным позором. В худшем... эти девушки, прекрасные, словно весенние цветы, не могли даже представить, как болезненна ярость Императора. Слуги страшились, что Пятый принц первым накажет их — все же о его привязанности к старшей сестре было всем известно, — но на лице Его Высочества, когда он заглянул в паланкин, не было особого горя или неверия.

Он сказал:

— Умерла мгновенно.

Обернувшись, Фу Ичжэнь посмотрел на дома на противоположной стороне улицы. Судя по углу, под которым стрела вошла в девичье тело, стреляли с их крыш, и делали это весьма метко.

Господин Ли тоже заглянул в повозку: если со стороны из-за газового полога картина женского трупа могла показаться странно завораживающей, то при прямом взгляде становилась видна вся мерзость смерти. Стрела прошила тело девушки насквозь и впилась в спинку кресла: когда плечи убитой опустились, она осталась сидеть в странной, нелепой позе. Из носа и рта девушки тонкими струйками, уже подсохшими, текла кровь, а глаза были удивленно распахнуты. Казалось, что их медленно затягивают мрачные бельма. У девушки не было тех изящных черт лица, которыми обладала Первая принцесса, но при жизни она была по-своему прелестной: было жаль, что умерла подобным неприглядным образом. Была бы она удушена или отравлена и, возможно, лицо сохранило нежную слабость, к которой каждый смотрящий невольно бы проникся. Теперь же она обратилась лишь довольно неприглядным трупом.

— Смело, — наконец сказал господин Ли, выйдя из странного оцепенения. Он видел в своей жизни не так много мертвых тел, но некоторые оставили отпечаток в его душе: как же так вышло, что все они были довольно уродливы? Иногда Ли Инчунь думал, что, умирая, должен будет постараться изо всех сил, чтобы не выглядеть... так. Он вздохнул и продолжил куда более живо. — Напасть на паланкин Первой принцессы, попытаться убить ее саму — и все это в праздничную ночь. Наш неприятель не желает более размениваться мелочами.

— Я не слышал, чтобы у сестры были такие беспринципные враги.

— Конечно, это и не ее враги, а ваши, — спокойно ответил Ли Инчунь, словно говорил о вещах само собой разумеющихся. Когда Фу Ичжэнь поднял на него взгляд, господин Ли продолжил: — Если бы под вашей защитой Ее Высочество изволила умереть — какой был бы скандал! Император и так не жалуется на вас, а тут Вашему Высочеству осталось бы лишь разбить голову о ближайший камень: это было более милосердно, чем ярость Императора.

— Что ж, видимо моя удача, что тут не сестра, — сказал Пятый принц и поднялся, опустив полог экипажа. Ткань мягко скользнула на место, словно не понимая, что скрывает она больше не прекрасное, будто солнечный блик в бокале вина, девичье лицо, а каченеющее тело.

— Да, — согласился Ли Инчунь и тут же на губах его появилась усмешка. — Не забудьте поблагодарить за это после нашего молодого господина.

— Я? — удивился Фу Ичжэнь. — Это он должен благодарить меня на коленях на сегодняшнюю ночь!

— А Вашему Высочеству лишь бы поставить кого-нибудь на колени, — покачал головой господин Ли. Удивительным образом, пусть голос его был легок и весел, в нем чувствовалось напряжение — от встречи ли с хоу, или вида мертвого тела? Впрочем, говорить об этом не было времени. Молодым людям, праздник для которых так неожиданно закончился, пришлось дожидаться людей Императора, сопровождать паланкин до дворца, а далее долго объясняться о случившемся...

Фэн Жуну было куда легче. Пусть щеки его покраснелись от мороза и пальцы на ногах подрагивали то ли от свежести ночи, то ли от не лишившейся еще сил болезни; пусть пришлось вопреки своему положению толкаться среди простых людей на улицах столицы; пусть он волновался... Но к чему это? Фэн Жун в любом случае был этой ночью по-настоящему счастлив!

Взять Первую принцессу за руку он, конечно же, не посмел бы, и одной мысли о подобной близости хватало, чтобы разжечь юношеское сердце, однако молодой господин все равно старался быть учтив и предусмотрителен.

— Прилавок, Ваше Высочество, — сказал он, борясь с желанием потянуть девушку за рукав. Засмотревшись представлением, что прямо на улице давала труппа раскрасневшихся от важности артистов, Фу Айминь едва не задела бедром одну из многочисленных лавок. Девушка тут же остановилась и посмотрела перед собой. Выражение ее несколько мгновений было растерянным, словно она не понимала, как прилавок перед ней оказался. Первой принцессе, выросшей в садах в сотни ли и покоях, какие не обойти было кругом и за целый день, трудно было за столь короткое время привыкнуть к толчее вокруг. Сама девушка смущенно думала, что это нелепо — Фэн Жун же находил любое ее действие очаровательным.

Фу Айминь подняла взгляд, рассматривая улицу. Словно полноводная река та была наводнена людьми в праздничных одеждах, торговцами, артистами, музыкантами, ворами... Первая принцесса не знала, куда смотреть.

Фэн Жун между тем обратил внимание на прилавок, на который девушка чуть не налетела. Весь он был занят красивыми безделицами: камнями для бумаги, курительницами и вышитыми мешочками с благовониями. Торговец, что цепко выхватывал из толпы людей, которым мог бы продать свои товары, обратился к Фэн Жуну.

— Молодой господин, вы выглядите умным и достойным: такому человеку непременно нужны четыре сокровища ученого! Поглядите, у меня все есть!

— Так если я умен, разве у меня уже не должно быть этих вещей? — изогнув бровь, спросил юноша, но взгляд к товарам опустил. Они были хороши, но... как бы поскладнее выразиться? Фэн Жун, этот любимый ребенок своих сестры и бабушки, друг императорских детей и для самого Императора являющийся почитаемым подданным... Он видел в своей жизни столько несметных сокровищ, что едва ли его привлек бы и исполненный достоинства блеск нефрита с горы Куньлунь — если бы молодому господину довелось там побывать.

Мысли эти не отразились на лице юноши, лишь брови чуть нахмурились — для того, кто следил за его выражением, не было показателя размышлений более явственного. Первая принцесса улыбнулась и указала на одну из маленьких чайных статуэток, стоящих поодаль.

— Вот та мне кажется довольно очаровательной.

Торговец тут же оживился:

— Прекрасный выбор, госпожа, воистину вы отыщите драгоценный камень среди мягкой глины! Это фигурка принесет счастье и благополучие в ваш дом: достаточно несколько раз за день омыwać ее горячей водой, и благодарности доброго духа, который живет внутри, не будет предела!

Фэн Жун и Фу Айминь стояли достаточно близко друг другу, но не соприкасаясь плечами: внезапно между них раздался спокойный голос:

— Дух — это не хорошо, лучше не иметь с такими вещами дел.

Первая принцесса, конечно же, давно привыкла, что словно тень за нею везде следует Яо Хуэй и иногда, в отличие от других слуг, высказывается без позволения: для Фу Айминь он был куда ближе подчиненного. Фэн Жун же притерпеться с этим порядком пока не успел, и голос мужчины, вдруг раздавшийся на его ухом, заставил молодого господина крупно вздрогнуть всем телом. Жар от его щек раскаленным маслом стек к груди и животу юноши. Он махнул рукой:

— Не каждый дух плох, как хорош не каждый человек, — сказал он. — В цзянху говорят, что к каждому живому существу просто требуется найти свой подход, и тогда беды не будет.

— Господин многое понимает! — поддакнул торговец.

— И все же я не советовал бы Вашему Высочеству покупать нечто подобное, — спокойно, будто даже с улыбкой в глубоком голосе отозвался Яо Хуэй. Фэн Жун нахмурился и взглянул на Первую принцессу:

— Вам в самом деле приглянулась эта вещь?

Фу Айминь кивнула, не сводя с фигурки взгляда:

— Она забавная.

Тогда Фэн Жун небрежным движением снял кошелек с пояса и, достав несколько серебряных монет, ловко бросил их торговцу.

— В таком случае, конечно же, стоит ее купить, — заключил юноша. — Вещи не нужно быть редким сокровищем, чтобы принести Вашему Высочеству радость.

Первая принцесса приняла протянутую торговцем двумя руками фигурку, теперь завернутую в бумагу. Пусть Фэн Жун не касался ее, отчего-то Фу Айминь казалось, словно камень сохранил тепло его рук.

Молодые люди отошли от прилавка и Яо Хуэй, мягко улыбнувшись, сказал:

— Молодой господин ставит меня в неловкое положение. Я вовсе не отказываюсь удовлетворять интерес Ее Высочества, однако беспокоюсь за ее безопасность.

— Если ты всегда с ней рядом, то о чем можно переживать? — искренне удивился Фэн Жун. Его слова могли показаться пустой лестью, но в душе он прикидывал: Яо Хуэй был высок, крепок, умен и внимателен, к тому же, как все прочие сяньбийцы, наверняка знал какие-то тайны и скрытые техники — разве оставалось что-то, чего рядом с таким человек следовало бояться? Может потому Пятый принц и решил, что больше людей для охраны Фу Айминь не понадобится.

— Любое опасение не должно пересекать границ разумного, — продолжил Фэн Жун поучительным тоном. Голос его мог показаться строгим — но молодой человек не испытывал к Яо Хуэю ни неприятния, ни злобы.

Наоборот, этот высокий, прекрасно сложенный сяньбиец внимательным взглядом, спокойствием, с которым он рассуждал обо всем на свете и словами мягкими, но уверенными, к себе крайне располагал. Казалось удивительным, что слуга императорского дворца может без параноидального страха говорить с Фэн Жуном, не пытаясь в его словах выискать двойного смысла: оттого этим начинал заниматься сам молодой господин. Годами выработанной привычкой Фэн Жун прикидывал, с какой целью, попыткой достичь чего, то или иное слово было сказано — но тут же одергивал себя. Лицо его в такие моменты становилось хмурым, но немного растерянным, словно у щенка, который в веселой игре вдруг потерял из виду свой хвост. Яо Хуэй и Первая принцесса, без слов понимая друг друга, переглянулись, и каждый по-своему постарались скрыть улыбки. Сяньбиец опустил взгляд и принялся следить за своими шелковыми туфлями, какие посерели от мокрого снега, прилипшего к ним, а Фу Айминь постаралась отвлечь Фэн Жуна.

— Эта принцесса благодарит молодого господина за его подарок, — сказала она. — Пусть это в самом деле безделица, я буду трепетно ее хранить.

Однако Фэн Жун вдруг вскинулся:

— Пойдите, это не подарок! — возразил он. Первая принцесса удивилась:

— Так... мне нужно за него вернуть вам серебро? — спросила девушка, а Яо Хуэй потянулся к кошельку на своем поясе. Однако это взбудоражило молодого господина еще сильнее, и он даже отступил на шаг.

— Нет, ни в коем случае! Я купил его вам только потому что сам так захотел, к чему говорить о деньгах!..

Фу Айминь растерялась окончательно и в изящных чертах ее лица появилось вежливое недоумение. Видя, что своими словами он только путает принцессу и ее спутника, Фэн Жун поджал губы:

— Это вовсе не подарок, — повторил он. — Это просто безделушка, разве она может быть достойным даром Вашему Высочеству? Если вы не против принять что-то от своего слуги, то я преподнес бы вам вещи куда более красивые и занимательные.

— Всего лишь? — не удержавшись, сказала Первая принцесса. — Молодой господин испугал меня! — Фэн Жун хотел было ответить, но Фу Айминь с улыбкой отступила на шаг. — Фигурку я вам не верну, даже не просите. Будет моим подарком.

— Ваше Высочество, так нельзя, — нахмурился Фэн Жун. — Разве вы заслуживаете единственной безделицы?

— Ах, ну раз этого недостаточно, — Первая принцесса огляделась и вдруг вдалеке заметила среди многих похожих палатку с уличной едой. Она указала туда. — Тогда молодой господин должен еще угостить меня.

— Я и так собирался это сделать, так что в счет не пойдет, — отозвался Фэн Жун, который в иных вопросах вдруг становился невыносимо принципиальным. Впрочем, и это было очаровательно.

Фу Айминь пожала плечами и направилась к выбранному заведению:

— Вот как? Тогда я подумаю еще, а пока хочу перекусить.

Фэн Жуну не осталось ничего, кроме как следовать за своими спутниками: впрочем, шаг его был так скор и легок, что едва ли можно было признать в молодом господине несправедливо обиженного и принужденного. Закусочная в эту ночь не прекращала работать: предвидя наплыв гостей, хозяева вынесли дополнительные столы под хлощевый настил у порога заведения. Столбы, что подпирали его, были увешаны алыми флажками и талисманами с добрыми пожеланиями, а на каждом столе стоял алый бумажный фонарь, огни в которых подрагивали от суеты вокруг.

Фэн Жун зашел под настил первым и крикнул слуге:

— Три лапши! — и тут же, обернувшись к Первой принцессе, пояснил: — В этом заведении ее готовят лучше всего прочего, к тому же от нашей прогулки, вы, должно быть, замерзли, потому надо съесть горячего, — внимательно оглядевшись, Фэн Жун указал на место в тени настила: со стороны сидящих там людей заметить было бы трудно, но им открывался прекрасный вид на все заведение и проходящих мимо горожан. — Вот, сядем там.

Алый фонарь за этим столиком потух, потому, как только молодые люди опустились на свои места, Яо Хуэй поднял его — и внезапно огонек внутри вновь затеплился. Света в уединенный угол это не принесло, но атмосфера стала уютнее.

Фэн Жун удивился:

— Неужели ты тоже знаешь заклинания из цзянху? — спросил он, глядя на Яо Хуэя. Тот опустил взгляд.

— Это не те же техники, к которым привык молодой господин, а знания моего народа. Просто несколько небольших фокусов.

— Как-то мне говорили, что создание чего-то из ничего уже есть проявление божественного, потому говорить об этом пренебрежительно никак нельзя, — заметил Фэн Жун. Сказал ему это

Пятый принц, когда в раздражающей манере доказывал в каком-то споре свою правоту: в тот момент Фэн Жун ничего не смог ответить на это изречение, потому хорошо его запомнил. Кто бы мог представить, что высокомерие Фу Ичжэня пригодится ему сейчас!

Яо Хуэй кивнул.

— Молодой господин говорит верно. Иногда это может быть довольно полезно.

— Более чем! — удивленный чужой беспечностью, воскликнул Фэн Жун. — Пламенем можно ведь не только осветить комнату, но и одолеть врагов!

Первая принцесса рассмеялась, сказав:

— Молодой господин во всем прав, наши враги действительно находятся в тени!

Яо Хуэй посмотрел на нее снисходительно, без слов прося не соглашаться с неверными выводами. Он сложил на столе руки с длинными, изящными пальцами, и рассказал:

— Это техника моей родины, но сам я вырос тут, потому едва ли могу использовать ее малую часть. Мое пламя светит, но не может сжечь даже сухую солому.

— Да, — вынужденно согласился Фэн Жун. — Тогда это довольно бесполезно, — но тут же он понял, что слова его могли прозвучать грубо, и добавил: — Но это далеко не самое бесполезное, что я видел среди заклинателей! Есть там заклинания и люди, которые вовсе ничего, кроме смеха, не вызывают.

— Спасибо, молодой господин, — без всякого выражения отозвался Яо Хуэй. Тут же вступила Первая принцесса:

— Так, на самом деле везде, что в городе, что в императорском дворце. Хотя, признаюсь, — Фу Айминь поглядела на улицу и людей, что с широкими улыбками спешили по ней туда, где трещали хлопущки и слышался смех. — Глядя на людей вокруг, я едва могу представить, что многие из них злы или невежественны.

— И не представляйте, — пожал плечами молодой господин. Он смотрел в том же направлении, что и Первая принцесса, и взгляды молодых людей таили в себе одинаковую мягкость. — С большей частью этих людей вы никогда не испытаете несчастье быть знакомой, потому можно думать, что они непременно добрые и благородные. Это те, с которыми вы случайно встретились, злы.

— Эта мысль интересна, — рассмеялась Фу Айминь. — Но, боюсь, примириться с ней мне будет сложно.

— В один момент это сделать в самом деле непросто, — согласился Фэн Жун. — Однако может постепенно вы все же всем сердцем поверите в это и почувствуете себя более счастливой. А как оно там на самом деле... — молодой господин махнул рукой, словно думая о чем-то неприятном. — Кому какое дело? Пусть глупцы беспокоятся обо всем на свете, а этот маленький человек будет радоваться горячей лапше и хорошей компании.

В этот момент слуга как раз принес заказ молодых людей: быстро расставив тарелки и даже не взглянув на гостей, он, наскоро поклонившись, убежал. Вероятно, работники за всю эту ночь едва ли успеют присесть. Фэн Жун тут же взял палочки и придвинул к себе порцию; Первая принцесса тоже не стала стесняться. Лишь Яо Хуэй на миг замер. На самом деле он не мог есть

за одним столом с господами. Кроме того с самой Первой принцессой! Если бы об этом стало известно Императору, при всей своей лояльности к старшей дочери он не оставил бы Яо Хуэя без наказания. И пусть в тишине покоев Фу Айминь двое людей, росшие друг с другом с самого раннего детства, ни раз нарушали это правило, поступить так и сейчас, когда они давно выросли, когда положение их было подобно палому листу, что неумолимые воды несли грязными потоками далеко от дома, когда вокруг было столько людей...

Фэн Жун, заметив чужое смущение, придвинул миску с лапшой к Яо Хуэю ближе. Он серьезным тоном пояснил:

— Если ты не станешь есть, а тем более останешься стоять рядом с Ее Высочеством, то это может привлечь ненужное внимание. Разве наши враги позволяют себе решить, что Ее Высочество ест за столом с посторонними людьми? Даже если они заметят нас, то решат, что обознались, и пройдут мимо. Потому тебе тоже непременно нужно есть, чтобы не выделяться.

— Давай, — игриво кивнула Фу Айминь. — Помоги этой принцессе остаться неузнанной.

Яо Хуэй бросил на нее быстрый взгляд, радуясь тому, что настроение Первой принцессы сегодня так хорошо, что она балуется, но испытывая желание призвать ее к порядку в то же время. Фэн Жуну сянъбиец вежливо кивнул.

— Этот слуга не смеет противиться приказу молодого господина.

Что ж, некоторые люди из-за собственного ли положения или убеждений не желали говорить то, что чувствуют на самом деле: Фэн Жун был знаком к своему несчастью со многими такими, потому совсем не обиделся чужой напускной отстраненности. Как прелести Первой принцессы, так и красоте ее спутника молодой господин мог простить многое.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1744333>